Трансформации отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности[1]

А.А. Смолькин

Антон Александрович Смолькин, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заместитель главного редактора журнала «Социология власти». 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 9. E-mail: antonpsevdonimov@mail.ru.

В этой статье мы попытаемся ответить на вопрос, как и почему меняется модель отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности в ситуации крупного российского города? Что блокирует проявление уважения? Исследование построено на материалах глубинных неструктурированных неформализованных интервью (2007–2016, N=71, в тексте цитируется 19).

Уважение к пожилым людям в сельских сообществах следует понимать как естественное следствие их социальной природы — по сути, они являются первичными группами, агрегацией потенциально знакомых людей. В такой ситуации уклонение от статусных действий грозит человеку потерей лица/авторитета. Конкретные случаи проявления уважения являются здесь лишь элементами сложной системы взаимопомощи и взаимоуважения, и не могут быть полностью поняты как самостоятельные эпизоды. Возможно, во многих случаях ключевым стимулом к соблюдению нормы уважения в сельских/традиционных (со)обществах является функция конструирования (само)идентичности — т. е. подтверждение своей социальной полезности; способ почувствовать себя одобряемой другими частью целого. Таким образом, реализация практик уважения позволяет обрести чувство «мы» (и «я» как его части).

По всей видимости, представления о норме уважения у мигрантов из сельской местности часто остаются если не прежними, то, по крайней мере, все же более высокими, чем городские стандарты, и главные деформации приходятся именно на поведение, а не на установки, но происходят они медленно и порой почти незаметно для них самих. У определенной части мигрантов (например, попадающих по приезде в родственную культурную среду или приехавших на непродолжительное время) изменений может не быть вовсе.

Ключевые слова: социальная геронтология, ресоциализация, отношение к старости, адаптация мигрантов, межпоколенческие отношения

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-136-149

В современных российских СМИ принято представлять межпоколенческие отношения по типу конфликтной модели, которая пред-

1. Данный текст написан при подготовке научно-исследовательской работы «Социальный статус пожилых людей в практиках повседневного взаимодействия в общественных местах» (2016 г., ИОН РАНХиГС).

полагает, что к старикам выказывают недостаточное уважение или напрямую пренебрегают их интересами в повседневной жизни. Однако на практике причины конфликтов не всегда справедливо сводить только к «отсутствию воспитания» или иным формам морального несовершенства молодежи (подробнее см.: Смолькин, 2010). В качестве главного контраргумента можно привести следующий факт: зачастую даже носители культурных традиций, предполагающих уважение к старости (скажем, сельские жители или кавказские/среднеазиатские мигранты), в условиях крупного российского города не проявляют «достаточного» (с точки зрения их собственных культурных традиций) уважения к пожилым. Следовательно, есть основания полагать, что причиной «пробуксовки» уважительных установок становится сам контекст ситуаций.

Интервью мигрантов, которые лишь недавно переехали в город, позволяют зафиксировать и проанализировать межпоколенческие взаимодействия в крупных российских городах глазами человека, который еще в детстве усвоил уважительную модель отношения к пожилым людям. Опыт социальной адаптации мигрантов дает возможность обнаружить специфические особенности российской городской повседневности, которые самим городским жителям кажутся самоочевидными, и потому не рефлектируются. Однако именно они, по всей видимости, и оказываются причиной разрыва связей между признаваемым всеми как необходимое «хорошим отношением к старости» и заметно более редкими практическими «уважительными действиями по отношению к пожилым людям».

Как и почему меняется модель отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности в ситуации крупного российского города? Что блокирует проявление уважения? Возможно, сама установка на уважение оказывается разрушенной или трансформируется? Прежде чем перейти к ответам на эти вопросы, проанализируем ситуацию с точки зрения самих городских жителей.

Методические замечания

Сбор и анализ материала проводился по методу «двойной рефлексивности», с помощью неструктурированного неформализованного интервью (подробнее о методе см.: Шанин, 1998).

Интервью 2007 года проводились в здании университета, в спокойной обстановке, как правило, без участия третьих лиц. Все беседы можно считать удавшимися, поскольку каждый респондент в той или иной степени уточнял/расширял горизонт понимания проблемы. Интервью 2016 года были собраны студентами в рамках исследовательской работы по курсу социологии.

Необходимо сделать принципиальную оговорку — избыточная «пасторальность» описываемых ниже картин сельской и/или кавказской жизни может пониматься как результат возможной склон-

ности информантов идеализировать родную социальную среду, в результате чего описываются скорее представления/воспоминания о ценностях и идеалах поведения, чем регулярные практики. К тому же значительная часть воспоминаний отсылает к тому возрасту информантов, в котором и восприятие происходящего, и собственно поведение контролируются взрослыми и нередко корректируются или комментируются в воспитательных целях.

Отношение к пожилым людям: взгляд информантов

Отношение к пожилым людям в повседневной жизни оценивается информантами в диапазоне от «отношения охладели» до «в большей степени плохое». В основном речь идет именно о недостаточном уважении:

> *Инт.: Как вы считаете, почему уважения мало?*
> *Инф.: Уважения не мало, а недостаточно много.*
> (05.05.2016, А. (м.), 19 лет, Молдавия/Бельцы, живет в Москве один год)

Примеры агрессивных действий по отношению к пожилым людям приводились, как правило, в гипотетической перспективе. Можно предположить, что, несмотря на отсутствие непосредственной агрессии, она осознается участниками ситуации как возможная, хотя и редко становится реальностью (или даже не становится вовсе). Однако общий эффект формируется именно вследствие осознания, что граница между недостаточным уважением и агрессивными действиями оказывается довольно условной.

В качестве обоснования необходимости «хорошего отношения» информантами обычно называются уважение к исторической судьбе («они нас защищали, сражались за нашу Родину»), отождествление с образом прародителей («они чьи-то бабушки-дедушки»), ценность жизненного опыта, и даже самообъяснительные элементы традиционной иерархии («просто старше») — иными словами, пожилые люди определяются как «заслуживающие дополнительного уважения».

Показательным представляется не проговариваемый непосредственно, но явно различимый мотив жалости/сочувствия. Здесь «хорошее отношение» выступает в качестве компенсации за утрату здоровья, безразличие государства и т.п. Предполагается, что общество как бы выступает агентом эмоциональной поддержки пожилых людей.

> *К пожилым людям надо относиться уважительно, потому что они прожили больше, чем ты, значит, они уже этим заслуживают уважение. Тем, что они уже воспитали своих детей, пережи-*

ли какие-то жизненные трагедии, от жизни многим досталось. Поэтому не стоит... В стране нашей у стариков тяжелая ситуация жизненная. Они не живут, они существуют в основном, если нет родственников. Поэтому к ним надо как-то больше проявлять снисхождение.

(май 2007, Ю. (м.), 21 год, Саратов)

Обратим внимание: если уважительные действия носят «компенсационный» характер, в них исчезает элемент уважения в том виде, в каком оно обычно понимается в повседневных разговорах о проблемах старения. Таким образом, отсутствие конфликтов и/или готовность избегать потенциально конфликтных ситуаций мало что в действительности говорит о наличии или отсутствии уважения к пожилым.

Я стараюсь относиться к пожилым людям с уважением, потому что мне их жалко (здесь и далее курсив мой. — А.С.). Я их сравниваю с маленькими детьми, потому что некоторые бывают одинокие и беспомощные. Но все люди, и все разные. Я, например, могу, так же как и моей бабушке в метро, уступить место, независимо где, в автобусе, электричке или в каком-нибудь сидячем месте. Конфликтов у меня не было, потому что со стариками я не хочу иметь дело. *Отхожу в сторону от диалога и все.*

(май 2016, А. (ж.), Харьков, Украина)

Практически все информанты сообщают, что относятся к пожилым людям уважительно, но это утверждение сопровождается регулярной оговоркой о необходимости симметричного уважения. В этом смысле уважение к старшим нельзя свести, например, к фактору авторитета.

Я сам просто отношусь так, как ко мне относятся. ... Если видишь, что та же самая бабушка на меня орет, какое уважение может быть? А если там «сынок, уступи место», то, конечно, я уступлю.

(апрель 2008, В. (м.), 21 год, Саратов)

Может быть, такая малейшая, маленькая причина из-за того, что сами пожилые люди приводят к тому, что ты можешь им грубо ответить. Сами пожилые люди могут быть чем-то недовольны, и поэтому раздражительны, что-то им не понравилось, и они высказывают все сразу же.

(19.10.2008, С. (м.), 22 года, Саратов)

Подобные реплики можно было бы игнорировать, если бы они были единичны, однако их часто можно услышать даже со стороны информантов, которых сложно заподозрить в «межпоколенческой зло-

намеренности» (что, разумеется, не исключает, что таким образом информанты оправдывают собственное неуважение). В то же время необходимость избирательного уважения заметно реже проговаривается выходцами с Кавказа или сельскими жителями в нарративах о «малой родине». Любопытно, что озвучивать претензии к пожилым людям информанты имели склонность исключительно в тех случаях, когда их поощряли к этому прямым вопросом («Бывает ли, что пожилые люди сами виноваты в том, что к ним отнеслись неуважительно?» и т.п.). Соответствующие примеры вспоминали практически все, кому задавался подобный вопрос.

Справедливость утверждений о необходимости взаимного уважения самоочевидна, и в силу этой самоочевидности их регулярное проговаривание настораживает. Видимо, подобные отклонения в поведении пожилых уже попадают в горизонт ожиданий, такие ситуации понимаются как «естественные» и мыслятся как своего рода «нормативное исключение».

> *Инт.: Не все пожилые люди заслуживают одинакового уважения?*
> *Инф.: Конечно, не все, как и любой человек. Насколько он заслужил репутацию, авторитет, насколько он добр, насколько отзывчив — такое отношение к нему и надо иметь. Конечно, он человек. Но не все люди одинаковы, и с одинаковым уважением я не могу относиться ко всем пожилым людям.*
> (декабрь 2008 г. А. (м.), 19 лет, Духовницкий р-н, дер. Горяиновка Саратовской обл.)

В подобного рода критике пожилых информанты говорят, что лично их «притесняют со всех сторон». Иными словами, мы видим скорее ситуацию «войны всех против всех», чем поиск межпоколенческого компромисса (Смолькин, 2014).

> *Инф.: У меня во дворе живет очень много мерзопакостных старух. Они совершенно невыносимы. Сидят себе на лавочке и сплетни распространяют про молодых — особенно про девочек любят. Причем ясно, что это все неправда, но их это не останавливает.*
> *Инт.: То есть они сами виноваты в таком плохом к себе отношении?*
> *Инф.: Да, потому что они изменились. Стали более агрессивными, грубыми, не хотят понять молодежь. Иногда эти бабушки просто отвращение вызывают.*
> *Инт.: Были ли вы свидетелем/участником какой-нибудь конфликтной ситуации?*
> *Инф.: Ну вот, например. Местная управляющая компания начала вырубку деревьев, чтобы освободить место для стоянки. А все это дело подписали бабушки. Подхожу к ним, спрашиваю — зачем деревья-то рубите? Это ж для экологии плохо. Чем же дышать-то? А они мне: «Вы — с*** молодые, а мы свое отжили... Хотите, по-*

мирайте». Вот такие вот замечательные люди. Наверное, они всегда не очень хорошими людьми были, а теперь постарели и вообще невозможно с ними стало.
<...>
Инт.: Как вы думаете, считают ли те, кто «плохо относятся», что поступают неправильно?
Инф.: Молодежи все равно. Она вообще ни о чем не думает. А неправильное поведение со стороны стариков продиктовано именно злобой.
<...>
Общество в целом стало хуже относиться. Теперь относиться к пожилым без уважения — нормально. В моем детстве и молодости было не так. Сейчас пожилые люди фактически стали изгоями в обществе. Их притесняют со всех сторон.
(май 2016, Н. (ж.), 49 лет, Смоленск/Москва)

Что характерно, с критикой часто согласны и сами пожилые. Можно предположить, что описываемые ситуации говорят не столько о межпоколенческом конфликте, сколько об индивидуальных исключениях, возникающих как побочный эффект общих проблем пожилых в современной России и лишь принимающих форму межпоколенческого конфликта (или так считываемых наблюдателями):

Инт.: Бывают ли пожилые люди в России сами виноваты в неуважении? Были ли вы свидетелем такой ситуации?
Инф.: Да, безусловно, порой виноваты сами пожилые, мне даже кажется, что в большинстве случаев. И свидетелем была, и самой еще молодых приходилось защищать от озлобленных стариков. Один раз ехала в автобусе девушка с маленьким ребенком на руках, да еще и с сумками. Прицепилась к ней бабка, чтобы уступили ей место. Девушка ответила, что, к сожалению, ей это сделать будет очень трудно, чтобы она попросила кого-нибудь другого. Но та из принципа осталась стоять над женщиной с ребенком и ворчать, переходя на личности. В итоге девушка не выдержала давления от этих оскорблений и попросила пожилую женщину замолчать. Та, естественно, только хуже стала себя вести. Я за девушку заступилась, другие попутчики тоже подключились. А та пожилая женщина сама виновата, что в итоге все на нее набросились.
(май 2016, N. (ж.), 69 лет)

Многие стараются избегать прямых контактов с пожилыми в силу отсутствия общих интересов и нежелания вступать в бессодержательные, с точки зрения молодежи, разговоры. Описывая свое поведение в общественном транспорте, некоторые информанты указывали, что стараются даже не садиться на свободное сиденье, чтобы потом не пришлось уступать место. К иным объяснениям

подобного поведения, безусловно, стоит отнести и попытку уклониться от дискомфортной коммуникации. Вместе с тем такая позиция сама по себе показательна — следовательно, межпоколенческие контакты могут быть дискомфортны/конфликтоопасны уже на уровне ожиданий, и даже при склонности к нормативному поведению не гарантируют социального удовлетворения. Звучали и более экзотические причины избегания — вплоть до отсылок к черной магии.

> *Инф.: Мне еще бабушка сказала — никогда с чужими бабушками не пытайся вступить в конфликт, потому что сейчас многие занимаются черной магией. Может, я мнительная, но я стараюсь как-то держаться в стороне от пожилых людей.*
>
> *Инт.: А почему именно пожилые?*
> *Инф.: Как мне бабушка сказала, от скуки... Бывает, если кто-то пристально смотрит, я фигу в карманчике, и подальше отвернуться...*
> (19.12.2007, Е. (ж.), 20 лет, Саратов)

Следует отметить, что «предохранительное» поведение (во всех перечисленных вариантах) само по себе может создавать/усиливать эффект негативного отношения к пожилым. Подобные опасения и возникающая в результате коммуникативная настороженность — следствие убежденности, что многие пожилые настроены к молодежи критически и предвзято:

> *Инт.: А как вы считаете, сами пожилые люди думают, что к ним плохо молодежь относится?*
>
> *Инф.: Думаю, да. Ну, не то чтобы плохо, а... безразлично. Они считают себя никому не нужными. Соответственно, плохо.*
> (январь 2008, В. (м.), 23 года, студент заочного обучения/рабочий, Москва/Саратов)

> *Может, они привыкли, что к ним так относятся. Ну, [неуважительно]. Поэтому и [привыкли себя так вести]... у пожилых людей предвзятое отношение к молодежи.*
>
> (апрель 2008, В. (м.), 21 год, Саратов)

В отдельных случаях эти опасения оправданны — усиление межпоколенческой напряженности может быть инициировано не только реакцией пожилых на действительное неуважение, но и их склонностью интерпретировать любое неоднозначное поведение как неуважительное (возможно, это можно объяснить комплексом жертвы институциональных нарушений, когда ущемления своих интересов начинают ждать отовсюду). В целом же коммуникативные ожидания относительно пожилых со стороны молодежи оказываются настороженно-безразличными.

Описанный контекст поможет лучше понять тематику, которой мы коснемся ниже: отношение к пожилым людям у сельских жителей и мигрантов с Кавказа и Средней Азии, причины и способы ее трансформации в условиях крупного российского города.

«Сельская» модель отношения к пожилым людям

Задача этого раздела — не столько раскрыть особенности отношения к пожилым людям на селе во всем его разнообразии, сколько указать на фундаментальные отличия в логике уважения, которые позволяют описать сельскую/традиционную модель отношения к пожилым от городской.

Модель справедливо называть традиционной, поскольку она, по всей видимости, характерна для большинства обществ с преобладанием в сфере непосредственной коммуникации членов первичных групп, отношения между которыми «теплее», «душевнее» по умолчанию, еще до начала общения.

> *...если в моей молодости уважение к пожилым людям выражалось более открыто, то сейчас если тебе дверь откроют или место уступят — это считается выполнили долг. У нас-то как было: жили 3–4 поколения все в одном доме, самый старший спал на печи, обычно это бабушка наша была... Вечерами все вокруг нее, она, бывает, сказки начинала рассказывать, песни петь. Все, кто помоложе из семьи, — вокруг нее, остальные — делами занимаются своими. Да и не было такого в голове даже, что можно со стариками не здороваться, не помочь что-то или другое... Сейчас уже поколениями не живут, всем бы квартиры отдельные, стариков — либо выселяют в свои деревни, либо — покупают квартиры им. Время поменялось, ничего не говорю, но все же тяжело одной бывает.*
>
> (май 2016, N. (ж.), 71 год, жительница поселка N.)

Показательно, что информанты, характеризуя городскую повседневность, акцентируют внимание на общем безразличии людей друг к другу, где безразличие к старикам — лишь частность.

> *Инт.: Как вы считаете, почему уважения мало?*
>
> *Инф.: Мало, потому что в Москве человек заботится лишь о себе, максимум о близких своих. Как я уже сказала, многие даже к просто взрослым людям относятся как к врагам. Традиции многое решают. У нас на Кавказе люди веками шли к тому, что мы сейчас имеем. Восточные культуры, сама понимаешь. А тут в Москве... Просто людям дела нет... Нет, есть такая середина, которая называется безразличием. Вот это точно проблема Москвы! Это скорее плохо, но не настолько же, как и «плохое отношение».*

(май 2016, М. (ж.), 19 лет, Пятигорск, с 2015 — Москва)

Честно говоря, я не вижу очень большой разницы. Но иногда мне кажется, что в Беларуси люди говорят друг с другом (и в том числе как раз с пожилыми людьми) более спокойно и выдержанно, порой и более приветливо. В Москве жизнь какая-то более напряженно-суетливая и поэтому в общественных местах люди реагируют друг на друга более нервно, если кто-то кого-то раздражает. Для меня, например, как для человека, родившегося в небольшом городке, оказалось чем-то новым московское метро. Что касается пожилых людей, часто наблюдаю, как в метро все спешат на работу, и когда в толпе оказывается какой-то старичок или бабушка и начинает всех раздражать, и все начинают обходить их с ужасно недовольным видом, поскольку все спешат, а пожилые люди ходят медленно. Не исключаю, что я могу и немного преувеличивать в силу того что Беларусь моя родная страна и просто в целом я чувствую там себя комфортнее.

(май 2016, А. (ж.), 19 лет, Беларусь, Быхов, с 2015 — Москва)

Инт.: Как по-вашему, сейчас в обществе относятся к пожилым людям?

Инф.: Плохо (смеется). Но в Москве все-таки лучше, чем на периферии... Да все друг к другу плохо относятся, а к старикам — и тем более. Да и старики хороши — почему они такие злые по отношению к молодежи?.. Молодежи все равно. Она вообще ни о чем не думает. А неправильное поведение со стороны стариков продиктовано именно злобой... В обществе люди просто не замечают, что существуют пожилые, которым тяжело передвигаться, и вообще жить им труднее. Пандусов нет. Ну, это я говорю про периферию — Смоленск вообще не приспособлен для того, чтобы в нем жили пожилые люди.

(май 2016, Н. (ж.), 49 лет, Смоленск/Москва)

Инт.: Считаете ли вы, что отношение к пожилым людям изменилось? Сильно ли? С чем, по вашему мнению, это можно связать?

Инф.: Да, изменилось, но я бы не стала выделять именно отношение к пожилым людям. Изменилось в целом отношение к людям. В принципе уровень культуры упал. Если раньше, допустим, люди могли не уважать кого-то, но оставаться вежливыми, то сейчас зачастую — нет.

(апрель 2016, Н. (ж.), 46 лет, армянская культурная традиция)

Случайные контакты с незнакомцами в крупном городе не предполагают никаких конкретных ожиданий, кроме стереотипных, а потому ситуации, предшествующие коммуникации, механистичны и обезличены.

Поступив в этом году в вуз, я каждый день катаюсь туда-сюда из Фряново (подмосковный поселок) в Москву, и наоборот. В Москве я пользуюсь исключительно метро. Там на каждой станции напоминают о том, что, мол, уступи-ка бабушке и дедушке. Для меня эти оповещения совершенно не нужны, я в них не нуждаюсь, так как нас с детства приучали к уважению к пожилым людям. И попав в такой огромный мегаполис, как Москва, я не нуждаюсь в этих самых оповещениях, я ведь просто всегда это знала, зачем мне об этом напоминать? Многие не уступают место...наверное, не наши, поселковые (смеется).

(28.04.2016, О. (ж.), 19 лет, Московская область, п.г.т. Фряново)

Отсутствие позитивных ожиданий заставляет информантов драматизировать гипотетические эпизоды контактов. В результате создается ощущение, что даже катастрофические события не восстановят якобы отсутствующую ткань социальности. Кажется, особенно остро это чувствуют информанты — выходцы из Средней Азии и с Кавказа:

Здесь люди жестоко поступают со всеми. И с пожилыми в том числе. Нет уважения. Нет сожаления. Выражается практически во всем, но особенно это видно в ситуациях с массовым скоплением людей. В магазинах, на улице, в общественном транспорте. Пример могу привести. На днях случай со мной произошел. Ехала в автобусе, который платный, нельзя в нем оплатить социальной картой. Я сидела в самом конце и заметила, как бабушка поняла, что по карте оплатить проезд нельзя, а денег у нее не было. Водитель стал возмущаться и выгнал ее из автобуса. Бабушка при всем еще и извинилась! Я уже собиралась сказать, что оплачу проезд за нее, но двери закрылись и автобус уехал. Никто из сидящих рядом с входом людей даже не попытался помочь. Это ужасно.

(май 2016, М. (ж.), 19 лет, Пятигорск, с 2015 — Москва)

Эффективность взаимопомощи в сельских сообществах основана на принципиальной неанонимности интеракций внутри сообщества, где каждое действие известно всем заинтересованным лицам — или может стать таковым «по запросу». Отсюда следует, что сравнение сельских условий с городскими принципиально некорректно: речь идет о различных режимах человеческой близости коммуникантов, их реальной включенности в группу (общеизвестный факт — даже от незнакомых людей, встреченных в деревне на улице, скорее ожидают, что они поздороваются, чем просто пройдут мимо).

Попробуем представить это в виде различных степеней «близости». Например, правила внутрисемейного взаимодействия предполагают более тесный, доверительный и ориентированный на взаимопомощь режим, чем нормы отношений с приятелями, а в случае

последних субъекты отношений более близки, чем соседи по двору или подъезду, и т. п. Жители сельской местности, видимо, в подобной иерархии занимают относительно друг друга место где-то между «соседями» и «знакомыми», а на практике во многих случаях приходятся друг другу родственниками.

Мигранты из сел и малых городов обычно настроены воспроизводить ту же модель и в ситуации большого города.

> *Инт.: А как в вашей местности относятся к пожилым людям?*
> *Инф.: В нашей местности много людей пожилого возраста, за многими из них некому постоянно ухаживать, так как их дети или внуки приезжают к ним только на праздники. Но помощники находятся всегда, какие-нибудь соседи или дети и внуки знакомых этих бабушек и дедушек. У нас каждый год отмечают День пожилого человека, не знаю, что они там точно делают, но моя ходит туда ежегодно.*
> *Инт.: А в какой помощи конкретно нуждаются пенсионеры, по твоим наблюдениям?*
> *Инф.: Нашим старичкам нужно всего-то сумки донести, через дорогу перевести. Место уступать им негде, так как по поселку довольно часто ходят полупустые автобусы. Когда на лето я еду в соседнюю деревню к бабушке, то там иногда я ношу воду с колодца ее соседке.*
> (апрель 2016, Н. (ж.), 17 лет, Фряново/Москва)

Поддержка рассредоточивается в неформальных взаимодействиях, которые складываются в сети поддержки, организующие сельское сообщество. Сами по себе, в отдельности, элементы взаимодействия этой цепи не могут быть поняты/осмыслены. При этом в строгом смысле слова не следует говорить о сетях безвозмездной помощи в чистом виде. Скорее, это сети особых форм кредита, который пожилые люди могут, вероятно, вернуть в посильной форме: например, присмотреть за детьми или хозяйством в отсутствие домовладельца, одолжить денег с пенсии и др. Наконец, возврат «кредита» возможен в отсроченных или морально-статусных формах (бонус к репутации «хорошего соседа», «правильного односельчанина» и т.п.). Симметричная услуга может не подразумеваться, предполагая скорее отдаленные перспективы и специфические формы благодарности — например, через круг знакомств или родственных связей получателя помощи, благодаря которым можно будет решить те или иные проблемы (поступление детей в вуз или школу, оказание медицинской, технической помощи или иных профессиональных услуг). Соответственно, в такой системе каждый неверный шаг, скорее всего, окажется известен всем членам сообщества, в результате чего ответственность за нарушение норм и сопутствующий стресс оказываются гораздо сильнее.

На меня очень повлиял один случай из начальной школы. Одно время репортеры нашей местной газеты фотографировали школьников в магазинах, на улицах, на автобусных остановках и ловили их в момент помощи пожилому человеку. Я шла в музыкальную школу, точнее, бежала, так как опаздывала. В упор столкнулась с какой-то бабулей, которая пыталась спустить свой саквояж из автобуса. А я пробежала... В тот момент экзамен показался мне важнее всяких там бабушек и автобусов... Мало того что меня мучила совесть весь оставшийся день, так через месяц я увидела себя на странице газеты. Там была моя небольшая фотография, на которой бабушка смотрит мне в затылок, а я бегу так, что пятки сверкают. Очень получилась жалостливая фотография. Стыдно было — не то слово и совестно очень. Так что с 4-го класса я не пропустила ни одной бабушки или дедушки.

(08.05.2016, Н. (ж.), 26 лет, грузинка/русская, Московская область, п.г.т. Фряново)

С известным упрощением можно сказать, что на селе относительно полноценно функционирует примерно та же модель отношения к пожилым, которая признается необходимой и жителями городов, но где она уже утратила содержание и строгость. Показательно, что информанты — выходцы из сельских районов часто не конкретизируют содержание пресловутой модели по собственной инициативе, просто сообщая, что «у нас лучше» в значении, близком к «у нас это работает». В этом проявляется их отличие от информантов — представителей восточных культур, где норма уважения к пожилым людям заметно более строга, как, впрочем, и другие поведенческие нормы, что непременно особо оговаривается.

Насколько можно судить по сообщениям информантов, большинство рассмотренных нами установок уже не соблюдается согласно классическим образцам, однако могут служить ориентиром «идеального поведения» для представителя данной культурной традиции. Иными словами, демонстрация соответствующих практик может играть роль дополнительного ресурса уважения: например, стараясь подчеркнуть свою причастность к конкретной культуре, человек ведет себя в нарочито «традиционной» манере.

Заключение

Уважение к пожилым людям в сельских/традиционных (со)обществах следует понимать как естественное следствие их социальной природы — по сути, они являются первичными группами; агрегацией потенциально знакомых людей. При этом уклонение от положенных по статусу действий грозит человеку потерей лица/авторитета. Конкретные случаи проявления уважения/помощи являются здесь лишь элементами сложной цепи/системы взаимопомощи и взаимо-

уважения и не могут быть осмыслены как самостоятельные эпизоды. Следует оговориться, что современная «сельская» модель уважения принципиально отличается от «кавказской». В первом случае уважение к старшему есть специфическая форма благотворительности или (несимметричной) помощи («уважение как помощь/внимание к слабому»). Во втором — основанное на традиции признание его высокого авторитета («уважение к мудрости/статусу»). Следовательно, ключевая разница между Кавказом и собственно российскими территориями заключается не в соблюдении/несоблюдении норм, а в различных моделях уважения, разворачивающихся в разных социальных модусах. По вышеперечисленным причинам прямое сравнение сельских/кавказских реалий с городскими, а также сравнение современных русской и кавказской моделей уважения представляется некорректным (Смолькин, 2010).

Возможно, во многих случаях ключевым стимулом к соблюдению нормы уважения в сельских/традиционных (со)обществах является функция конструирования (само)идентичности — т. е. подтверждение своей социальной полезности; способ почувствовать себя одобряемой другими частью целого. Таким образом, реализация практик уважения позволяет обрести чувство «мы» (и «я» как его части).

По всей видимости, представления о норме уважения у мигрантов из сельской местности часто остаются если не прежними, то, по крайней мере, все же более высокими, чем в случае городских жителей. Основные деформации приходятся именно на поведение, а не на установки, но происходят они медленно и порой незаметно для носителей установок. У определенной части мигрантов (попадающих по приезде в родственную культурную среду/сообщество; приехавших на непродолжительное время) изменений может не возникнуть вовсе.

Библиография

Смолькин А.А. (2014). Отношение к пожилым людям в контексте аномической ситуации // Психология зрелости и старения. № 4 (68). С. 66-76.

Смолькин А.А. (2010). Трансформации уважительного отношения к пожилым людям у (им) мигрантов // Социологический журнал. № 4. С. 66-91.

Шанин Т. (1998). Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. № 3/4. С. 77-93.

Transformation of rural migrants' attitudes to the elderly

Anton Smolkin, PhD (Sociology), Head of the Department of Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Deputy Editor-in-Chief, *Sociology of Power.* 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 84. E-mail: antonpsevdonimov@mail.ru.

The article seeks to answer the questions of how and why rural migrants' attitudes to the elderly change in the large Russian city, and why they stop respecting the elderly. The article is based on the data of in-depth non-structured non-formalized interviews (2007-2016, N = 71, 19 are cited). Respect for the elderly in rural communities is considered a natural consequence of their social nature for rural communities are primary groups, a network of potentially familiar people. Thus, a person that avoids mandatory status actions faces the threat of losing credibility and authority for specific ways of showing respect are just small elements of the complex system of mutual assistance and mutual respect and cannot be considered independent actions. In many cases, key incentives for keeping up the norms of respect in rural/traditional societies are the incentives to construct one's identity, i. e. to confirm one's social significance, and to feel oneself an accepted part of the rural community. The practices of respect allow to gain the sense of "we" (and "me" as a part of "we"). Apparently, rural migrants' norms of respect are either the same or higher than the urban standards, and it is the behavior rather than the attitudes which is deformed slowly and unnoticed by rural migrants. Attitudes to the elderly seem not to change at all if we consider a part of migrants (for example, those who moved to the similar cultural environment or moved for a short time).

Key words: social gerontology, resocialization, attitudes to the elderly, migrants' adaptation, intergenerational relations

References

Smolkin A.A. (2014) Otnoshenie k pozhilym lyudyam v kontekste anomicheskoy situatsii [Attitudes to the elderly in the anomic situation]. *Psikhologiya Zrelosti i Stareniya*, no 4, pp. 66-76.

Smolkin A.A. (2010) Transformatsii uvazhitelnogo otnosheniya k pozhilym lyudyam u (im)migrantov [Transformation of respect to the elderly among (im)migrants]. *Sotsiologichesky Zhurnal,* no 4, pp. 66-91.

Shanin T. (1998) Metodologiya dvoynoy refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoy rossiyskoy derevni [Methodology of double reflexivity in the studies of the contemporary Russian village]. *Sotsiologichesky Zhurnal*, no ¾, pp. 77-93.